

М. И. БРУСНЕВ

**Отчет начальника экспедиции
на Новосибирские острова
для оказания помощи барону Толлю**

...1-го мая двое промышленников, Николай Гулимов и Семен Бранский, отправились на одной нарте на Котельный остров, а 2 мая на Новую Сибирь возвратились промышленники Алексей Горохов и Егор Гулимов, посланные мною в Казачье с коллекциями. С ними я получил из Казачьего известие об экспедиции лейтенанта Колчака. От г. Колчака я получил письмо, в котором он просил меня выслать ему на подмогу к 10 мая на южный берег Фаддеевского острова несколько нарт собак.

Я не мог ожидать прибытия партии Колчака на Фаддеевский остров к 10-му мая, так как знал, что только 13 апреля Колчак, получив известие с «Зари» о том, что вельбот доставить нельзя, сам отправился туда; добраться же от Тикси до Фаддеевского острова менее, чем в месяц, особенно весной, когда лед уже не держится на полозьях, было невозможно. Ввиду этого я послал на Фаддеевский остров две нарты собак несколько позже назначенного срока, поручив людям жить на южном берегу острова в ожидании прибытия Колчака. В конце мая г. Колчака еще не было, и я заключил, что он уже не приедет, так как в это время началась такая таль, что по льду можно было ездить лишь с трудом даже с пустой нартой. Ожидать г. Колчака дольше было бесполезно, да и невозможно, так как в это время ход оленей с материка на острова уже почти закончился, и олени с южного берега удалились внутрь острова; без оленей же нам невозможно было бы прокормить собак. Ввиду этого 26 мая я отправился с Новой Сибири на Фаддеевский остров, чтобы окончательно разделить рабочих на две партии, из которых одна должна была летовать со мной на Новой Сибири, а другая с Толстовым на Фаддеевском острове...

Лишь с трудом по такому льду, усеянному лужами, иногда довольно глубокими, могли мы пробраться к зимовью Дыроватому на южном берегу острова, где ожидали прибытия Колчака посланные мной рабочие. В некоторых местах мы принуждены были брести выше колен

по воде и тащить наши нарты. У зимовья Дыроватого дела обстояли довольно печально. Оленей поблизости его вовсе не было, ехать же далеко внутрь острова по грязи, причем пришлось бы переезжать через глубокие овраги, засыпанные снегом, насквозь пропитанным водой, было бы очень трудно. Собак было нечем кормить, и они были отпущены на свободу и предоставлены своей судьбе. К счастью, в этом году на островах было очень много леммингов, переселившихся весной массами с материка, и собаки довольно удачно охотились на них. Правда, они едят леммингов не очень охотно, но когда нет другой пищи, довольствуются и этой. Люди, которые в надежде на удачную охоту на оленей не запаслись мясом, довольствовались куропатками и куликами, которых тоже было много в этом году.

Между тем весна все более и более вступала в свои права. 28 мая температура в полдень поднялась уже до $+2,5^{\circ}$ и пошел первый дождь. Оставшийся еще в глубоких местах снег окончательно превратился в полужидкую массу, через которую уже никак нельзя было переправляться. Надежды на прибытие г. Колчака не было никакой; я решил, что он либо проехал на Котельный, либо был застигнут весенней распутицей на Ляховских островах или даже на материке. Нам нужно было уехать из этого места, где нам грозила голодовка, пока еще было возможно передвижение по льду. 29 мая я с партией рабочих, которые должны были летовать на Фаддеевском острове, отправился к складу Русской полярной экспедиции, где у нас был сделан амбарчик и сложен запас провизии. Двух рабочих, которые должны были летовать со мной на Новой Сибири, я оставил в зимовье Дыроватом ожидать Колчака до 4-го июня, после чего они должны были переехать на Новую Сибирь.

От склада Русской полярной экспедиции я отправился на Новую Сибирь, а Толстов с промышленниками Кононом Томским, Семеном Брабанским и Егором Гулимовым остались ожидать возвращения партии барона Толля на Фаддеевском острове. У них было две нарты собак и запас провизии для людей. Собак должны были кормить продуктами охоты. В сентябре месяце двое из них в том случае, если бы г. Колчак не приехал, должны были еще раз поехать на Котельный через землю Бунге, которая отделяется от Фаддеевского о-ва узким проливом, замерзающим в самом начале сентября...

Провожавший меня промышленник на другой день уехал, и я остался один на Новой Сибири. Весна постепенно начинала вступать в свои права. Птицы начали разбиваться на пары, в образовавшихся на земле лужах закипела жизнь, и стало возможно заниматься коллектированием. Оставленные мной на Фаддеевском острове у зимовья Дыроватого промышленники Николай Гулимов и Алексей Горохов приехали на Новую Сибирь только 5 июня. На Фаддеевском острове

им не удалось убить ни одного оленя. Сами они питались куропатками, а собакам предоставили охотиться за леммингами. Далее 4-го июня они уже не могли оставаться на Фаддеевском острове, так как иначе совсем могли бы там остаться, да и ожидать Колчака было уже нечего, так как по такой дороге езда с тяжелым грузом невозможна. И теперь они лишь с трудом переправились через забереги у Фаддеевского острова. В проливе им посчастливилось убить одного медведя, мясо которого они привезли на Новую Сибирь.

На Новой Сибири в это время снег еще держался, но сделался уже мокрым; заберегов и луж на льду еще почти не было. Оленей у стана Бирули не было вовсе, и мы должны были покинуть этот негостеприимный берег, где наши собаки погибли бы с голоду. Мы решили отправиться на юг, где, как мы видели ранее, оленей было много. Для переезда до Деревянных гор мы хотели воспользоваться еще зимней дорогой по льду; поэтому мы решили выехать к 8 июня, так как и здесь к этому времени реки уже начали вскрываться и угрожали сделать лед непроходимым. В поварне я оставил записку для барона Толля и г. Колчака с извещением, что к августу вернусь. Конечно, здесь для них было оставлено все необходимое...

22 июля мы приехали домой к стану Бирули. Здесь все было так же пусто, как и раньше. Ни барон Толль, ни Колчак не пришли. Море в Благовещенском проливе было еще покрыто льдом, и лед не был даже разбит. Ранее (17 июля) я видел на берегу губы Вознесения, что море очистилось там у восточного берега ото льда, и лед держался только у западного берега до самого мыса Высокого и далее на север.

По мере приближения к дому олени стали попадаться нам все реже и реже и наконец совсем исчезли. Жить дома с таким количеством собак в течение долгого времени было совершенно невозможно; с другой стороны, нельзя было оставить дом совершенно пустым, так как в это время мог прийти г. Колчак. Ввиду этого я послал своих промышленников на охоту на 10 дней к Деревянным горам, сам же остался дома один. Надежды на возвращение Толля у меня в это время не было уже никакой. Если бы он мог вернуться с острова Беннетта, то, конечно, вернулся бы ранее.

За последние дни июля месяца лед в Благовещенском проливе совершенно разбито ветром, и хотя в середине пролива держались еще густые массы разбитого льда, но они не были сплошными, а прерывались открытыми пространствами воды. Вдоль берегов верст на 5 совершенно не было льда, если не считать довольно редких отдельных льдин, стоящих на мели.

31 июля приехал на Новую Сибирь г. Колчак со своими поморами. С Котельного острова они выехали на вельботе 18-го июля, и все время

ехали вдоль берега. По дороге они заезжали на Фаддеевский остров, где видели летовавших там моих промышленников. С Фаддеевского острова г. Колчак выехал 29 июля. Переезд через Благовещенский пролив длился 25 часов, причем они выехали не к стану Бирули, как хотели, а к мысу Высокому, куда их отнесло течением. С мыса Высокого они проехали ко мне вдоль берега. Партия г. Колчака пробыла у меня всего один день. Им нужно было спешить пользоваться благоприятной погодой. Я мог пополнить запасы их провизии, так как у меня всего было вдоволь, зато они привезли мне целую тушу медвежьего мяса (медведя они убили на мысе Высоком), что было очень кстати для наших собак, особенно ввиду почти полного отсутствия оленей вблизи нашего дома.

1 августа я проводил г. Колчака в дальнейшую дорогу, обещав выехать ему навстречу к мысу Высокому около 20 августа.

9 августа вернулись с охоты мои рабочие. Они охотились довольно удачно у Деревянных гор, где и зарыли в землю порядочный запас оленьего мяса; но вблизи дома они совершенно не видели оленей, так что приехали домой с пустыми нартами. Медвежье мясо, привезенное г. Колчаком, нам очень пригодилось. Сначала рабочие мои отказывались верить тому, что г. Колчак приезжал на Новую Сибирь и уехал далее, так им казалась невероятной возможность путешествия на лодке по Ледовитому океану. 11 августа прибыла к нам партия г. Колчака с острова Беннетта. Мы не ожидали такого быстрого возвращения. На этот раз г. Колчак пробыл у нас три дня, так как теперь ему спешить было некуда. Мы проводили его 14 августа. С ним я поручил партии моих рабочих, оставшихся летовать на Фаддеевском острове, не ездить осенью на Котельный, как я распорядился раньше, а ожидать моего возвращения с Новой Сибири.

От г. Колчака я узнал, что барон Толль вместе со всеми людьми покинул остров Беннетта еще 26 октября 1902 г. Конечно, в такое время года, при тех средствах передвижения и при том запасе провизии, какими располагал барон Толль, едва ли возможно было сделать переход от острова Беннетта к Новой Сибири. Если несчастье постигло партию барона Толля где-либо вблизи Новосибирских берегов, то течением и ветром могло бы выбросить на берег какие-либо предметы, бывшие с ними. Мне предстояло поэтому осмотреть берега Новой Сибири еще раз. Западный и северный берег я осмотрел еще раньше, но это было зимой, когда под снегом трудно что-либо увидеть; поэтому я решил теперь объехать вдоль берегов кругом всего острова.

Зимняя дорога еще не установилась в конце августа, но почва начала уже подмерзать, и земля была покрыта тонким слоем снега. При таких условиях дорога не могла быть очень трудной, и я рассчитывал объехать весь остров менее, чем в месяц. За это время мы рассчитывали не только

прокормить продуктами охоты наших собак, но и сделать некоторый запас мяса где-нибудь не очень далеко от дома. Ввиду этой последней цели мы начали наш объезд с юга, где, как нам было известно, скорее всего можно было добыть оленей про запас.

Из стана Бирули мы выехали 23 августа. Хотя дорога и была относительно легкая, мы все же не могли ехать быстро, так как везли с собой запас собачьего корма и кроме того часто устраивали стоянки для охоты на оленей. Мы везде держались у берегов моря, чтобы иметь возможность осматривать их. У западного и юго-западного берега острова льда не было вовсе, только далеко в проливе на запад и юг видны были массы разбитого льда...

18 сентября мы приехали к нашему дому, употребив таким образом на круговой объезд острова почти месяц. Нигде никаких признаков, указывающих на прибытие сюда кого-либо из партии Толля, найдено не было...

18 ноября Благовещенский пролив по тому направлению, по которому нам предстояло возвращаться, замерз. Мы выехали посмотреть дорогу. Верстах в десяти от берега начинался еще не покрытый снегом лед. Толщина его была около 1 см. Мы переждали еще 3 дня и 21 ноября тронулись в путь. Верст тридцать нам пришлось ехать по недавно замерзшему льду; во многих местах толщина его не превышала 1 см. Без всякого сожаления оставили мы пустынные берега Новой Сибири, где провели ровно 8 месяцев. Нам нужно было спешить проехать как можно быстрее пространство свежего льда, так как его легко могло взломать ветром. Верстах в трех к северу от нашей дороги чернела закутанная в непроницаемый туман полынья. Только выехав на торосистый старый лед, прилегающий к берегу Фаддеевского острова, мы могли заночевать. На другой день, 22 ноября, мы благополучно добрались до зимовья Дыроватого на Фаддеевском острове, где нас ожидали наши товарищи.

24 ноября мы покинули Фаддеевский остров. Ехали мы на трех нартах. Море было свободно от торосов. Переночевав два раза на льду, мы приехали 26 на Большой Ляхов остров. Здесь по следам мы узнали о проезде партии Колчака. 29-го ноября мы благополучно прибыли на материк, а 6-го декабря были уже в Казачьем.

С.-Петербург, 27 апреля 1904 г.

М. Бруснев

